

Преобретение гендерных исследований к теории сексуации

Александр Смелянский

*Психоаналитик лакановской ориентации,
ведущий семинара «Лакан-ликбез»,
Большой пр-т. П. С., д. 18, лит. А, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: smulansky@gmail.com*

Преобретение пола: от гендерных исследований к теории сексуации

Аннотация:

Влиятельность гендерных исследований, равно как и распространившихся на их основе активистских движений, скрывают свидетельства назревающего в гендерном подходе теоретического кризиса. Его признаки необходимо искать не в аргументах, атакующих гендерную теорию с консервативных позиций, а со стороны внутренней логики развития понятия гендера. Возникнув на почве французского структурализма, гендерные исследования в лице Джудит Батлер приносят ему оммаж, содержанием которого стала проблематизация источника власти в символическом возникновении субъекта пола. Академические гендерные исследования делают своим предметом уязвимость субъекта

на фоне перспективы всеобщей нормализации, нивелирующей особые следствия обретения им пола. С точки зрения автора статьи, критика гендерного подхода должна состоять не в возвращении к новоевропейской консервативной концепции природного различия полов, а в постановке под сомнение самой гипотезы, согласно которой небιологическая часть пола целиком исчерпывается процедурой гендерного образования. С целью фальсификации этой гипотезы в статье поставлен вопрос о том, каким образом можно обосновать приверженность субъекта полу, образуемому в ходе описанной в структурном психоанализе процедуры сексуации, предполагающей выбор за пределами как биологической, так и гендерной принадлежности. Вместе с этим показано, почему подобный выбор может быть чреват изменениями для общества в большей степени, нежели становящаяся сегодня все более стереотипной и институционализированной процедура выбора «гендерной идентичности».

Ключевые слова:

Психоанализ, сексуация, Ален Бадью, гендерные исследования

Под знаком предписания

Университетские представители гендерных исследований, наследуя академическому феминизму второй половины XX века, нередко ставят вопрос так, как если бы в отношении категории пола история философской мысли была поделена на две неравновесные по объему части. Если вторая из них является концентрацией наиболее передовых эмансипационных соображений, поскольку воплощается самим гендерным подходом, то первая охватывает все произошедшее в области мышления о поле от Платона до Фрейда, включая дальнейшее применение психоаналитического аппарата. Предполагается, что на этом затянувшемся этапе постановкой вопроса управляли разнообразные предрассудки, в том числе откровенно шовинистские. Большая часть из них происходила от основного заблуждения, связанного с натурализацией полового различия, которое сводилось к предпосланной целесообразности того или иного порядка (Gallop 1987; Nekman 1990).

Подобное разделение этапов не согласуется с тем фактом, что высказывание, основывающееся на целенаправленной теоретизации пола (то есть возводящее его в статус концепции для

других концепций), является исключительно недавним изобретением того, что Лакан называет дискурсом новоевропейской науки (Лакан 2002а: 9–31). Уже это противостоит воззрению, согласно которому в задействовании пола как натурализованного есть нечто архаическое, одновременно подсказывая, что мифология заведомо является для любой современной теории пола негодным проводником. Между высказанными Ницше или Вайнингером соображениями по вопросу пола, которые воспринимаются сегодня как одиозные консервативные спекуляции, и каноном современных гендерных исследований обнаруживается гораздо больше чисто дискурсивного сходства, нежели между областью множества архаичных преданий, посвященных полу, и, например, точкой зрения патристического христианства. Концептуализация пола — это порождение и, одновременно, отброс того, что принес с собой дискурс науки.¹ Как и прочие проекты, спрашивающие о том, как именно из принятого по поводу категории пола концептуального решения вытекают решения другого порядка, гендерные исследования вписаны в дискурс науки — хотя и посредством другой гипотезы. Сама мысль о том, что, например, у Платона и Шопенгауэра могло быть какое-то общее предубеждение, заставляющее их схожим образом заблуждаться относительно пола, является порождением научно-критического дискурса точно такого же современного типа.

Одновременно с этим исследователи, опирающиеся на гендерную функцию, не в состоянии прийти к согласию по поводу ее чреватости, начиная с предположения о навязанном и требующем преодоления характере гендерных ограничений (Irigaray 1985; Пресьядо 2021) и вплоть до убежденности в существовании непреодолимых символических координат, определяющих положение субъекта даже в тех случаях, когда он идет на самые крайние меры, чтобы поменять предзаданную гендером участь (Jeffreys 2014).

В то же время существует нечто, разделяемое всеми толкованиями и относящееся к гипотезе об источнике образования гендерного свойства. В самом общем смысле гендер можно

¹ В ходе семинара «Этика психоанализа» (1986) Лакан специально подчеркивает, что хотя дискурс науки не ставит вопрос пола открыто и, напротив, создает иллюзию, будто половое различие не имеет для субъекта научного прогресса никакого значения, тем не менее именно благодаря этому пол возвращается в другом качестве, преобразуя сам порядок его теоретического осмысления. Создав прецеденты для имитирующего науку философствования о половом, этот отвергаемый вопрос принял участие в возникновении психоанализа, к аппарату которого также восходят гендерные исследования.

определить через существование, наполняемое актами, функционирующими как «предписания пола». С одной стороны, предписание может восприниматься как высказывание низшего уровня воздействия, начиная с буквальных его образцов: «девочкам нельзя смеяться с широко раскрытым ртом», «будь мужчиной, не отводи взгляд». Аналогично предписаниями могут выступать разнообразные виды специально расставленных умолчаний, выражающих потакание желаемому поведению или косвенное неодобрение по его поводу. При этом отмеченная Джудит Батлер особенность предписания заключается в том, что его невозможно отличить от следующих за ним актов подчинения и исполнения, поскольку все субъекты воспринимаются по отношению друг к другу как носители нормативности гендера, вследствие чего не существует нулевой точки, из которой бы предписание изначально исходило. Действия, расценивающиеся как продиктованные уже сработавшим предписанием, также выступают перформативными предписаниями для других субъектов (Butler 1993: 12).

К этому следует добавить, что с точки зрения истории субъективации предписание выступает не просто как самовозобновляющееся постановление или рекомендация; не сводится оно также к питающему ее представлению о том, что нечто подобает в силу определенных от века правил. Предписание — это еще и постоянно возобновляющееся оповещение или сигнал того, что в отношении субъекта выдвинуто новое правило, которому теперь необходимо следовать некоторое неопределенное, но при этом вероятно конечное время. Субъект, сформированный предписанием, ожидает окончания его действия, воспринимаемого как аналог чрезвычайного положения. В этом смысле усиливающаяся с середины XX века критика магнетизма и технологичности власти побуждала философов усматривать в предписании один из наиболее верных и репрессивных способов добиться от субъектов единообразия и предсказуемости в поведении. В то же время эта логика содержала изъян, поскольку дело не в том, насколько субъект покорен или же, напротив, неконформен по отношению к предписанию — хотя именно на волне очередной постановки вопроса о неконформности гендерная теория в итоге вошла в интеллектуальное поле, — а в онтологической исчерпаемости того, что привносит предписание в положение субъекта. Независимо от того, пребывают ли в состоянии пассивного подчинения или бунтуют, это не отменяет установившегося здесь режима ожидания, определяющего позицию субъекта.

Из этого следует, что предписание с успехом может учредить режим, предполагающий подчинение, но вместе с тем оно же включает в себя сопротивление. На это, в частности, сделала упор Батлер, впервые описав предписание гендера как конечное, однако продолжающее действовать после истечения срока в тех случаях, когда субъект продолжает ему следовать: «Власть действует на субъект как минимум двояко: во-первых, как то, что делает субъект возможным, условие его возможности и формативное основание, и во-вторых, как то, что продолжается и вновь и вновь воспроизводится в собственной деятельности субъекта» (Батлер 2003: 25).

В этом отношении известный камень преткновения, который Батлер выставляет на пути вопроса о перспективах освобождения от предписания под именем *passionate attachment*, страстной привязанности субъекта к позиции, в которую его ставит работа власти, содержит двойной подвох (Там же: 19). Вводя явный парадокс, это допущение базируется на парадоксе скрытом — как если бы «привязанным» к чему-либо, включая объекты самой насущной для субъекта потребности, можно быть только и исключительно в силу подчинения. Это несомненно делает вопрос власти еще более запутанным и зловещим, но в то же время заставляет усмотреть в предложенной Батлер перспективе тот факт, что «привязанность» обязана исключительно предписанию, через которое вводится, но не тому, что могло также добраться до субъекта другими путями. Иными словами, батлеровская теория гласит, что нельзя быть приверженным полу по собственному выбору — и это, вероятно, бесспорный факт, — однако она умалчивает о том, что можно образовать эту приверженность через другие процедуры, не имеющие к нормализующей символической работе власти непосредственного отношения.

Теория Батлер предлагает другую конструкцию, в которой предписание (пола) получает силу исключительно из того, чего оно изначально субъекта лишает. Тем самым субъект получает дополнительную возможность иметь дело с негативностью предписания, но не с тем, что находилось и осуществляло бы работу за его пределами. Следует специально отметить, что именно возможной, свободной от предписания «верности» субъекта чему-либо связанному с полом, классическая гендерная теория отказывает в принципе — в этом состоит ее основание, негласно сформулированное на уровне ее политического вклада. К обладанию полом можно только принудить — даже если принуждение воспринимается субъектом беспечно и в силу особых инструментов этого принуждения не считается в качестве такового.

Концепция гендера, таким образом, не может объяснить источник приверженности субъекта полу иначе, чем через перформативную работу предписания. В то же время гендерная перспектива не допускает, что предписание возможно не является последним объяснительным рубежом и само может получать дополнительное подкрепление: как если бы, сказав «да» чему-то такому, что к предписанию отношения не имеет, субъект бы в ряде случаев с большей готовностью само предписание приветствовал, при этом не опираясь на него как на единственный источник.

В этом смысле, при всей распространенности и навязчивости предписания (даже множества предписаний), нигде не удастся обнаружить появление субъекта на территории, расположенной за пределами так называемой «идентификации». Речь идет о пространстве, где именовался бы не сам пол, а то в субъекте, для чего он в свою очередь служит именем — пусть и не всегда удачным или даже неудачным по преимуществу.

Это различие необходимо ввести как можно раньше, поскольку гендерная теория ставит вопрос об источниках того, что повторно субъекта запрашивает (интерпеллирует), но при этом избегает описания того, чему именно субъект пола может быть привержен за пределами запроса. Раз за разом для обозначения того, к чему устремляется эта приверженность, в гендерной теории осуществляется апелляция к власти. Это приводит к короткому замыканию гипотезы, поскольку полом является то, что субъект должен так или иначе переподтвердить — даже если подтверждение в иных случаях принимает форму отрицания или *Verneinung* в психоаналитическом понимании (Ипполит 2009: 395; Батлер 2003: 32).

В этом смысле предписание, управляющее процессом идентификации, — даже если последняя полностью субъекта устраивает — не исчерпывает собой выбор пола. Дело, однако, не в том, что предписание воспринимается формально. На деле это не так, и у предписания в любом, даже самом «стерильном» случае имеются расширенные последствия, на что гендерной теории удалось довольно убедительно указать. В то же время бескомпромиссное расширение этих последствий, попытка выведения из них всего, что составляет наполнение создаваемой полом ситуации, вторичным образом возвращает гендерную теорию к пресловутому психологизму. Казалось бы, Батлер объявляет о преодолении устаревшей вульгарной психологии пола или полов — при этом в рамках ее теории латентно реконструируется «психология» гипотетического первовытесненного субъекта, по-

ставленного перед необходимостью перформативно подтвердить и осуществлять предписание гендера.

В свете этой необходимости субъект может быть «меланхоличен» (то есть иметь дело с изначальной и необратимой утратой иных упущенных возможностей) или же интерпеллирован (окликнут с использованием его формально действующего гендерного именованья без его на то согласия) — как если бы, вопреки недоверию Батлер к утраченной изначальности, существовало нечто такое, что проскальзывает между никогда не существовавшей нейтральной самостью и переживаемым субъектом *Berufung*, призванием, получающим репрезентацию на гендерном уровне. Важнейшее для Батлер различие между *performed* и *performative* гендерной функции как, соответственно, между формально исполняемой половой ролью (с точки зрения догендерной социальной психологии) и учреждающе-предписывающим воздействием гендера, оказывается все еще недостаточным для того, чтобы призрак волюнтаристского психологизма, осуждаемого в «Психике власти», был окончательно изгнан.

В этом отношении мысль Батлер содержит противоречие, проявляющее себя на разных уровнях описанного ей процесса обретения гендера. Субъект на определенном этапе своего становления может быть недоволен собственной гендерной участью именно по той причине, что изначальна его позиция была предположительно, хотя и невосстановимо нейтральной. При этом описанную нейтральность он в итоге утрачивает в пользу меланхолии или половой дисфории, а не в пользу того или иного гендера (момент, по всей видимости ответственный за появление квир-субъектностей, настаивающих на том, что гендерный вопрос больше не должен иметь к ним отношения). До какой бы степени сама Батлер, наследуя структуралистской постановке вопроса, не стремилась предупредить буквальное восприятие собственного учения, современный субъект, стимулированный его следствиями, упорствует в игре на понижение ее теории. Тем самым описанное Батлер трансгендерное упражнение превращается в предпочтительный социальный выбор даже при малейших сомнениях в собственной идентичности.

Причины, делающие подобную процедуру не просто возможной, но и превратившие ее сегодня в распространенную практику, еще должны быть исследованы. В любом случае допущенный Батлер зазор в постановке вопроса по всей видимости является одной из косвенных, но важных причин, в силу которых субъект этой теории в итоге обернулся множеством рассеянных по всему миру индивидов, которые обзавелись реальной *gender*

trouble, то есть характерной озабоченностью на счет самоопределения. В подобных случаях нередко наличествует идея, согласно которой необходимо изменение и самостоятельное создание гендерной конструкции, соответствующей «самоощущению», — как если бы этот жест мог положить конец меланхолии или интерпелляции в принципе (с более подробной статистикой и ее интерпретацией можно ознакомиться в: Veissière 2018). Тем не менее учрежденная Батлер эпистемологическая процедура, тщательно избегающая эссенциализма и сопряженного с ним волюнтаризма, по-прежнему способствует пролиферации такого рода решений.

Изъясн сложившегося положения дел заключается не в том, что зачастую воспринимают в качестве «гендерной суматохи» — быстрого умножения различных вариаций гендерной идентичности, необходимость уточнения которой возрастает быстрее, нежели складывается существующая матрица наименований. Консерватор с усмешкой указывает на нелепость меню из сотни гендеров, не понимая, что количество позиций увеличивается не потому, что они стремятся исчерпать сингулярное как таковое (как если бы каждому субъекту должен был соответствовать свой уникальный гендер), а поскольку ничто не может покрыть изначальный, зафиксированный Батлер зазор между идентификацией и безвозвратно утраченным догендерным бытием; или же, прибегая к лакановской терминологии, — между «знанием» и «наслаждением».

Под знаком сексуации

В этом отношении следует заново поставить вопрос о «выборе», чтобы избежать представления о нем как о «предпочтении», избирающем сегодня путь идентификации. В данном случае выбор не совершается между разнообразными и в то же время равнозначными опциями, а целиком зависит от ряда трансцендентальных условий. Так, в рамках популяризированной сегодня гендерной оптики субъект действительно выбирает определенный пол (или же форму смещения/отсутствия такового, опять же всегда определенную и не нарушающую тем самым логику идентификации). Напротив, согласно изначальной версии Батлер, субъект «выбирает», быть ли ему «половым существом» в принципе (более того, даже отголоски этого выбора всегда уже утрачены). Тем самым субъект вынужденно соглашается на определенность, которая впоследствии позволяет ему образовать малый анклав негативности по отношению к власти.

В то же время существует еще одна, не задействованная гендерной гипотезой возможность уйти от определяющей роли этой негативности: субъект также выбирает нечто такое, в силу чего он становится половым существом, но что само по себе прямого отношения к полу не имеет и потому оказывается с половым свойством — понятым эссенциально или же гендерно — разъято.

Как можно эту гипотезу обосновать? С одной стороны, в случае человеческого субъекта пол действительно носит черты избыточной настоятельности — как если бы связанной с ним очевидной биологической принадлежности всегда было для его подтверждения недостаточно. Из-за этого требуется «вторичное переподтверждение», рассматриваемое в теории Батлер как более весомое и в ряде случаев упраздняющее первичное происхождение пола. В то же время объяснение этих процессов в рамках гендерной теории проливает лишь слабый свет на происхождение связанной с полом говорящего существа прибавочной интерпелляции. Последняя трактуется в гендерных исследованиях однозначно: интерпелляция — это то, что всегда требует от интерпеллируемого предъявить «согласие на пол» в форме, которая шла бы предписанию навстречу. Без понятой таким образом интерпелляции символическое предъявление знаков пола будто бы оказывается немислимым.

Действительно ли для субъекта здесь нет никакого другого исхода? В ранее опубликованной работе было показано, что пол в случае обладающего речью существа является следствием сепарации не между «мужским» и «женским», как принято считать, а между субъектом (любого пола) и отцовской символической инстанцией (Смулянский 2019). Последняя, согласно Лакану, находит свое выражение в обличье метафоры, и именно с ней — а вовсе не с метафорами противопоставленных полов — субъект по мере своего становления обречен столкнуться. Обнаруживается отсутствие базового члена метафоры, на место которого половое различие в итоге встает вторичным, заместительным образом (Лакан 2002б: 184–204). Таким образом, вопреки упрощенному восприятию этой части лакановской концепции, различие полов вовсе не является прямым следствием «отцовского закона», носящего предположительно «патерналистский» характер и требующего для каждого пола отправления неких подобающих ему презентаций. Напротив, различие полов — это следствие того, что в инстанции закона не нашло для себя подходящего определения.

Именно это производит все характерные, связанные с судьбой пола сложности, которые начинаются с неусвояемости

полового различия для самого субъекта. Независимо от того, как он к заданной перспективе относится, субъекту неизменно приходится класть жизнь на алтарь нескончаемого осмысления этой проблемы, вырабатывая собственный способ отправлять половую принадлежность и предпринимая поиск партнера или обзаводясь ребенком как признаком невозможности продолжить оповещение о ней другим способом.

Субъект отвечает на неизвестный элемент метафоры, записывающей желание Отца, предъявлением психических знаков обладания полом не потому, что этот ответ является наиболее адекватным закону, расположенному на заданном отцовской инстанцией символическом уровне, а поскольку подобный ответ является ближайшим способом исполнить то, что в этой инстанции прочитывается как исходящее от нее наиболее общее требование (*demand*). Требование следует отличать от предписания (*requirement*), поскольку требование никогда не сообщает, что именно следует предпринять, чтобы исходящему от него настоянию соответствовать. Напротив, требование ставит субъекта в положение открытой и неопределенной вынужденности, побуждая его предъявить нечто сообразное силе и нацеленности требования, оставаясь при этом в неведении относительно самих средств его исполнения.

Выбор пола, находящийся в регистре ответа на требование и в то же время за пределами предписания, Лакан называет «сексуацией». Тем самым любое рассуждение, поднимающее вопрос пола, сегодня находится в воронке возможностей. Говорить о «поле» в сущностно биологическом смысле больше нельзя, тогда как говорить о сексуации еще невозможно, поскольку эта категория до сих пор остается не освоенной ни интеллектуальными «верхами», представленными университетскими исследователями, ни активистскими «низами», продолжающими действовать на основе гендерного возражения «консервативной косности», опирающейся на половое различие как якобы естественную данность. Для философии, за отдельными исключениями, представленными, например, Аленом Бадью (Badiou 1992) и Славоем Жижеком, (Zizek 1995), сексуация не является преобладающим способом помыслить различие, чреватое полом. Ранее при помощи далеко не столь точного понятия «естественного пола» философы с этим более или менее справлялись, хотя и не без значительной поддержки со стороны религиозной идеологии. Лакановская теория сексуации отвечает на исчерпание возможностей в этой области: под эгидой религии пол больше не мыслим и нуждается в другом, заново предпринятом

обосновании, которое сегодня существенно запаздывает по отношению к процессам секуляризации.

Это означает, что, хотя Лакан и ниспосылает сексуации определенное прочтение вплоть до основывающих ее инструментальных формул, ее понятие — в отсутствие дальнейшего развития — является в лакановском корпусе своего рода «гапаксом». С этой точки зрения оно остается открытым, так что, например, предпринятый Бадью в тексте «Что такое любовь?» опыт «постмаоистского» истолкования сексуации претендует на не меньшую эвристичность.

В то же время сегодня представители гендерных исследований вовсе не заинтересованы в существовании еще одной конкурирующей теории происхождения субъекта пола, поскольку с точки зрения гендерной гипотезы прогрессивная и реакционная стороны интеллектуального поля уже вполне наглядно разделяются, как в сепараторе, в зависимости от того, ориентируются ли его агенты на действие предустановленного полового различия (например, природного или божественного происхождения) или же на опровергающий его гендерный фактор. Удобство подобного способа определения «противников», по всей видимости, начало превышать допустимые для дальнейшего развития теории объемы.¹ Гендерные исследования непрестанно полемизируют с «консервативными элементами», в которые неразборчиво записываются любые исследователи, как позволившие себе академическую или клиническую критику гендерной концепции, так и отвергающие ее по соображениям политической (не обязательно консервативно направленной) тактики. Это стало причиной того, что теория гендера устаревает сегодня с той же скоростью, с которой ранее набирала (и все еще продолжает

¹ В рамках недавнего выступления на 49-х днях психоаналитической «Школы фрейдова дела» квір-философ Поль Пресьядо начинает свой доклад в защиту права на отказ от гендерной нормативности с небольшой дерзости в адрес своих слушателей-психоаналитиков. Так, он предпринимает избыточное допущение относительно их «консервативного эссенциализма»: «Вы считаете могло природными мужчинами и женщинами, а такое предположение могло помешать вам наблюдать с надлежащей дистанции политический диспозитив, в который вы вписаны. Заранее прошу прощения за то, что в истории, которую я вам расскажу, я не принимаю как данность естественное существование маскулинности и феминности. Не беспокойтесь, вам не придется отрекаться от своих верований — так как это именно верования, — чтобы меня слушать. Примите во внимание мое высказывание, а затем вернитесь к вашей натурализованной жизни, если сможете» (Пресьядо 2021: 6). Пассаж этот вызвал немалое удивление среди прямых последователей Лакана, верных его гипотезе о лежащей в основе полового различия надприродной языковой структуре.

набирать) провозглашающую силу. Два взаимопротиворечивых процесса (увеличения влиятельности и одновременного устаревания) не подрывают друг друга, а вписываются в более общую картину двойного кризиса объяснительной силы гендерного подхода, фиксирующегося на следствиях предписания.

В отличие от гендера, сексуация указывает не на то, что сексуированный неким образом субъект (одного пола) отличен от субъекта, сексуированного иначе, а на то, что *нечто сексуированное на базе пола отличается от несексуированной области последнего*. В этом отношении гендерная концепция не столько научно или политически соревнуется с теорией сексуации, сколько отграничена от последней своим предметом, поскольку гендер представляет собой *несексуированную небιологическую часть пола*. Именно так следовало бы определить гендер в предложенных координатах, поскольку полемическое противопоставление гендера и пола «как такового» запутывает и влечет за собой споры, большая часть которых сегодня ведет в теоретический тупик. При этом сторонники «природности» полового различия, консервативно настроенные или же буквально стоящие на стороне естественных наук, также имеют дело не с «полом как таковым», а исключительно с его биологической несексуированной, хотя и в ряде случаев частично либидинализованной (испытывающей влечение), частью.

На долю сексуации остается, таким образом, третья, *сексуированная небιологическая часть*. Это означает, что сексуация не является тем, что совпадало бы с «сексуальным», поскольку значительная доля последнего, даже будучи заряженной либидинально, тем не менее сексуации избегает.

В связи с этим надлежит задаться вопросом: чем именно является сексуированная небιологическая часть, и какой наиболее общий процесс в ней происходит?

Описание этого процесса берет исток в размышлениях Фрейда, продиктованных задачей, которую можно определить как «переучреждение пола». Вопреки распространенному мнению, согласно которому заслугой Фрейда является постановка классического вопроса пола на новую теоретическую основу, можно утверждать, что фрейдовский вклад скорее заключается в изобретении пола в том виде, в котором его не существовало ранее. Именно с этим связаны как превышающая возможности любого оспаривания величина фрейдовского учения, так и сопоставимый с этой величиной непреходящий *misunderstanding*, из которого вытекают постоянные недоразумения с использованием психоаналитического подхода.

Пол, согласно Фрейду, — это не оператор разделения человечества на несовпадающие регионы, а описание двух особых путей обхождения с первовытесненным (*Urverdrängung*), которое само по себе не обладает ни отражением, ни представительством в психическом пространстве. Сама двоичность этих путей, несмотря на привлекательное числовое совпадение с допсихоаналитическими воззрениями на парность полов, не обнаруживает с последними непосредственной связи. Невзирая на выработанную читателями привычку к восприятию фрейдовских текстов как обширного комментария к судьбе фактических «мужчин» и «женщин», в психоанализе ни «мужской», ни «женский» субъект не имеют с психологически наблюдаемой участью полов ничего общего.

Связанные с этим образованием влечения, всегда расщепленные динамикой вытеснения на так называемые «представления» и «аффекты», — вот что поначалу интересует Фрейда, поскольку на так называемый «пол» никакие данные больше не указывают. При этом уже Понталис и Лапланш, (Лапланш, Понталис 1996), замечают, что Фрейд «странным образом» использует термин «представление» (притом не было никакого основания заподозрить, что он не владеет его общепринятым смыслом). Из этого Лапланш и Понталис делают вывод, что в системе Фрейда наличествовал некий неозвучиваемый ход, до такой степени не соотносящийся с тогдашним научно-теоретическим тезаурусом, что его нельзя было ни вписать в логику изложения, ни предъявить как есть.¹

«Вытеснение в собственном смысле, касается психических дериватов указанного вытесненного представления, связанного с влечением, или мыслей, происходящих из других источников, но вступивших в ассоциативную связь с этими представлениями» (Фрейд 1998: 108–123). В итоге «представление» помещается Фрейдом в ведомство мнестических систем бессознательного. Наследующая Фрейду психоаналитическая традиция согласилась с этим положением скорее вынужденно, из опоры на авторитет прочих фрейдовских соображений, при этом так и не сумев, согласно замечанию Лакана, в полной мере усвоить смысл и необходимость данного маневра.²

¹ «Поначалу Фрейд понимал его [представление] определенно, а использовал — необычно. <...> Хотя различие между мнестическим следом и представлением как его нагрузкой всегда неявно присутствовало у Фрейда, оно нигде четко не определялось» (Лапланш, Понталис 1996 : 147–148).

² «Замечательно то, что он [Фрейд] придает представлению, Vorstellung, тот самый, причем до крайности доведенный облик, в ко-

В то же время Фрейд делает заявление, оказавшееся еще более неусвояемым: «Из этого следует, что участь аффекта психического коррелята влечения гораздо важнее, чем участь его представления, и что именно этот момент является решающим в оценке процесса вытеснения» (Там же).

Из сказанного вовсе не следует, как нередко заключают в том числе сами психоаналитики, необходимость заняться аффектом так, как это обычно делают с позиций гуманистической психологии — уделяя ему внимание как сопроводителю представления, окрашивающему и оживляющему символическую структуру. Чем большую важность на этот манер придают аффекту, — стремясь таким образом уйти от формального элемента, которому аффект противопоставляют, — тем отчетливее его низводят на самый низший теоретический уровень, с которого он будто бы должен быть поднят.

Напротив, аффект необходимо поместить туда, где он производит работу, соответствующую его структурному вкладу. В этом смысле от представления он должен быть отличен определенным образом, не соотносящимся ни с данными психологии, ни с философским учением о страстях. Поддержав этот взгляд, Лакан заявляет: «Мысль не является категорией. Я сказал бы даже, что это аффект. При этом среди аффектов ей принадлежит едва ли не основное место» (Лакан 2009: 189).

Данная формула заполняет пропущенные в подходе Фрейда элементы, дополняя картину начатого им движения к перестановке мест в системе «аффект-представление». Ранний Фрейд начинает с использования термина «мысль» (*Gedanke*) для прояснения механизма работы так называемых «бессознательных представлений».¹ На этом он основывает возможность психоаналитического лечения актом «восстановления в сознании вытесненной мысли» (как правило, являющейся следствием воображения, нагруженного сексуально). В ходе дальнейшего раз-

тором философы так и не осмелились его представить... Обособляя *Vorstellung* в этой роли, Фрейд тем самым вырывает его из традиции. Но сама сфера, где *Vorstellungen* располагаются, — куда он ее помещает? К чему эти *Vorstellungen* тяготеют? Я уже говорил в прошлый раз, что если читать Фрейда внимательно, приходится прийти к выводу, что располагаются они между восприятием и сознанием, в подкожном, так сказать, пространстве» (Лакан 2006: 81–82).

¹ Утверждать, что «мысль» полностью синонимична «представлениям», даже здесь было бы опрометчиво. В самой известной работе «Некоторые замечания относительно понятия бессознательного в психоанализе» термины «представление» и «мысль» употребляются наряду друг с другом (Фрейд 1994: 29–34). Тем не менее установить однозначную логику, управляющую их соотношением, невозможно.

вития теории от этого положения Фрейд пришлось отказаться. Лакан, потребовав переворота этой схемы, полностью выводит мысль из круга «представлений», к которым она традиционно относилась и продолжает относиться в рамках общей психологии.

Не существует, другими словами, чисто аффективного, целиком погруженного в Реальное, с одной стороны, и чисто интеллектуального, освобождающегося от этого аффективного, чтобы овладеть им, с другой. В описанном здесь становлении мне видится великий миф (Ипполит 2009: 400).

В результате мысль оказывается не «представлением», всегда обязанным предыдущему подавленному впечатлению, наполняющему мнестическую систему, а тем, что никакому вытеснению не поддается. Поэтом уже в бинарной логике Фрейда она по праву должна занимать место среди аффектов, воспринимаемых при этом как аппарат мысли, обеспечивающий ее существование и транспозицию в область дальнейших актов. Тем самым «мысль» минует представление и должна быть откреплена не только от того, что в представлении может быть обязано «образу» — первое великое открепление, непрерывно совершаемое с момента возникновения западной философии в платоновском тексте и, в то же время, до сих пор не вполне завершенное и постоянно оспариваемое, — но и от «содержания» представления. Фрейд называет это термином *Vorstellungsrepräsentanz* (представитель влечения в бессознательном), который стал для Лакана предвестником категории «означающего». Неслучайно именно в направлении инстанции означающего в итоге проследовала гендерная мысль в тот момент, когда в лице Батлер ей понадобилось объяснить образование гендера на базе подчинения.

Напротив, намеченный Лаканом путь, зачаток которого он усматривает у Фрейда, описывает иное решение вопроса пола. Это решение не исчерпывается реализацией в символическом регистре, однако при этом отлично также и от опоры на буквально понятые «влечения тела» или досимволическую материальность, ставку на которые часто совершают теоретики структуралистского феминизма, оппонирующие Лакану (Kristeva 1982).

Из этого нового решения вытекает необходимость пересмотра того способа, которым мысль представлена в психоаналитической концепции пола. До сих пор существует убеждение, согласно которому каждое представление или движущее субъектом побуждение так или иначе является для психоанализа мыслью о «сексуальном», то есть о половом, взятом на уровне

влечения. На деле идея заключается в противоположном: именно пол — это то, что в своей сексуированной области детерминировано «мыслью».

Процесс сексуирования, таким образом, заключается в том, что в субъекте производит работу определенная мысль. В то же время, вводя в теоретический оборот формулу «*пол в своей сексуированной части детерминирован мыслью*», необходимо уйти от расхожего представления, в соответствии с которым обладать полом значит *мыслить* определенным образом, то есть иметь ту или иную *психологию*. Популярными источниками наполнены разнообразными спекуляциями относительно того, как представители различного пола «видят мир» или же «воспринимают происходящее», какое умонастроение для них характерно, и чего от них в той или иной ситуации следует ожидать. Закономерно достаиваясь критики со стороны гендерного подхода, подобные выводы сегодня продолжают существовать. Однако их ошибочность заключается не в том, что они скрыто идеологичны, транслируя так называемые «гендерные стереотипы», а в том, что они лишают объяснительной силы само понятие «мысли», неверно размещая его относительно создаваемой полом ситуации.

Сексуирующая ситуация: мысль

Понятие «мысли» в 1960-е годы впервые стало предметом притязаний психоаналитиков, потребовавших права на собственную долю в наследии западной гносеологии. Первым из клиницистов, возведших мысль в статус понятия, выступил Уилфред Блон: «Я ограничу термин «мысль» сопряжением преконцепции с фрустрацией. Предлагаемая мной модель — младенец, чье ожидание груди сопрягается с реализацией отсутствия груди, что принесла бы удовлетворение. Это сопряжение переживается как «нет-груди», или «отсутствующая» грудь внутри... Если способность выносить фрустрацию достаточна, «нет-груди» внутри становится мыслью, и образуется аппарат для ее «мышления»» (Blon 1962: 306–310).

Среди сторонников бионовского психоанализа это определение понятия «мысль» и сегодня находится в активном обороте. Однако Лакану практически сразу, по горячим следам удалось показать, что оно не является теоретически состоятельным, поскольку сводит вопрос нехватки к фактической недостатке удовлетворения. После публикации бионовского доклада Лакан делает следующее замечание:

Разве не знаем мы все, что вовсе не ностальгия по материнской груди порождает тревогу, а ее [груди] неминуемость? <...> Возможность отсутствия и позволяет как раз на присутствие положиться [гарантирует безопасность присутствия]. Наиболее сильную тревогу ребенок испытывает тогда, когда отношения, на которых выстроено его бытие — нехватка, делающая его воплощенным желанием, — нарушаются. А нарушаются они прежде всего тогда, когда возможность для нехватки отсутствует, когда мать от него не отходит и [до старшего возраста] подтирает ему зад — модель требования, которому не суждено смолкнуть (Лакан 2010: 69).

В данном случае выбор «между Бионом и Лаканом» — это выбор, который непрерывно совершается на интеллектуальной сцене, где производятся типичные операции воззвания, оповещения и выдвижения требований. Так, интеллектуал, нацеленный на определение «основных проблем современности», склонен оперировать «мыслью» в бионовском духе. С его точки зрения, в происходящем непрерывно не достает чего-то такого, отсутствие чего является неиссякаемым источником фрустрации, — не хватает свобод, гарантий мира, доступа к знанию или праву быть репрезентированным, прозрачности номенклатурных процедур и т. п. «Мыслью» в данном случае выступает теоретизация этого разноликого, но всегда одним и тем же образом организованного недостатка.

Напротив, определение мысли, вытекающее из лакановской поправки, основывается на иной операции. Лакан не пытается сообщить, будто сверхнормативная забота матери не оставляет для мысли пространства, тогда как стоит ей отступить, и субъект сможет вздохнуть свободно. Напротив, неотступность матери, преобразовываясь в исходящее от нее непоименованное требование, и есть причина появления того, чему в дальнейшем, на ином уровне, предстоит стать мыслью. Мысль представляет собой то, что появляется вследствие наличия требования, на которое субъект не имеет возможности ответить непосредственно. В ответ на это требование формируется мысль — в данном случае это мысль о недопустимом наслаждении матери, обеспечивающая сепарацию ребенка и поддерживающая дальнейшую субъективацию.

Гендерная эпистемология так же далека от опоры на это понятие мысли. Она основана скорее на представлении об изменениях, которые возникают в субъекте как следствие буквального исполнения гендерного предписания. По этой причине гендер-

ная теория предпочитает рассматривать гендер через призму областей, где субъект вынужден предъявить и, вероятно, дополнительно закрепить свои презентации — будь то война, власть, искусство, техника или любовные отношения.

Существует расхожее убеждение в том, что пол так или иначе «надстраивается» над этими явлениями, определенным образом преломляя их восприятие или способ участия в них, — то есть осуществляет своего рода *наложение* (*superimposition*). При этом гендерная теория, отбрасывая разнообразные предрассудки в отношении самих границ наложения, тем не менее его наличие отнюдь не отрицает, требуя лишь, чтобы оно получало оценку в подобающей критической оптике. Самым значительным вкладом гендерных исследований в преодоление операции наложения и по сей день остается выдвинутая Батлер гипотеза, согласно которой продиктованные гендером возможности участия в общественной жизни могут быть переписаны, то есть символически переопределены посредством так называемого «перформативного акта»:

Даже самыми пагубными терминами можно овладеть... и наиболее вредоносные интерпелляции могут стать зонами перезахвата и переозначивания... В этом направлении находится место и для психоанализа, ведь всякая мобилизация против субъекции будет обращаться к субъекции как к своему ресурсу, и такая привязанность к вредоносным интерпелляциям, благодаря необходимо отчуждаемому нарциссизму, становится условием возможности переозначивания этих интерпелляций (Батлер 2003: 90–91).

Паллиативность этого решения до сих пор остается наиболее спорным пунктом батлеровской программы. Убежденность в том, что единственной возможностью является усилие по перформативному переозначиванию предписания, позволяющего обратить его репрессивность против него же самого, до сих пор остается скорее благим предположением, нежели гипотезой, выдержавшей проверку соответствующими актами сопротивления, позволяющими измерить их влияние. Уязвимость этого хода с самого начала не ускользнула от взгляда оппонентов, приверженность которых аппарату структурного психоанализа носила более радикальный характер. В ходе беседы с Батлер и Лакло, который также поддержал ее взгляды на эластичность инстанции означивающего, Жижек, напротив, требует признать, что пол не может быть перелицован на одном только символическом

уровне, поскольку там он в полной мере никогда не располагался, представляя собой одно из имен Реального, находящегося за пределами символизации (Butler, Laclau, Žižek 2000).

Предположение Батлер о возможности «символического переписывания» не соглашается с утверждением Жижека о том, что в фактической половой принадлежности необходимо видеть поступающее из «Реального» оповещение. При этом невозможно отрицать, что мысль Батлер основывается скорее на благодушной обнадеженности, значительно уступая по своей теоретической мощности психоаналитическому аппарату, из которого выводится. Заявление о возможности «переназначения» в своем пределе содержит ни что иное как отсылку к возможному изменению предписания. Это указывает на акт «повторения» в гораздо более наивной форме, нежели в используемых Батлер психоаналитических основах. По существу, сам гендер в постбатлеровском понимании представляет собой натаскивание субъекта, своеобразный *coaching*, в ходе которого носитель обречен непрестанно повторять урок отправления характерных для предписанного пола презентаций. Возможность «поставить новую пластинку», перейти на другой гендерный факультет или даже бросить «обучение», допускаемая сегодня последователями Батлер слева, фактически не означает ничего иного, кроме смены инструктора.

В этом смысле гендерная теория нуждается не в критике, смещающейся назад к биолого-эссенциалистскому взгляду, а в радикальном дополнении теорией иного порядка. Понятие гендера при всей его разработанности не охватывает существенную часть того, что происходит в небиологической зоне пола. Так, гендерная идентификация служит именованием не «полового говорящего существа» в целом, а исключительно небиологической, но в то же время несексуированной зоны его существования; при этом небиологическая часть на деле находится также под знаком иной, внегендерной сексулирующей процедуры.

В отношении последней образующие мир субъекта разнообразные деятельности (*activities*) служат не для возобновления повторения и оттачивания нормативных гендерных установок, а являются источниками мысли, обладающей, помимо прочего, сексуирующим свойством. Сексуация возникает не по причине того, что политика, труд, любовь или война навязывают субъекту определенные практики и закрепляют в силу этого гендерную идентичность. Сексуация образуется вследствие изъяна в этих практиках, наличие которого субъект воспринимает как обращенное к нему требование. Именно последнее побуждает

его сформировать посвященную этому изъяну мысль, благодаря которой субъект сексуируется и которая открывает для него возможность быть субъектом пола, при этом не сводясь в своем бытии к определениям этого пола.

Сексуация, таким образом, не является следствием предписания, в котором непосредственным предметом выбора была бы сексуационная принадлежность, выступающая проекцией мужского или женского. Вместо этого она является результатом другого выбора, совершенного субъектом. Этот выбор связан с мыслью, внеположенной полу, однако имеющей своим следствием приверженность ему. В этом плане «мысль» не имеет с предписанием ничего общего не только в силу различия образующей их процедуры, но и поскольку само предписание, очевидно, тавтологично. Оно не дает понимания того, что означает быть сексуированным субъектом, а лишь сообщает о том, что абстрактные носители пола принуждены вырабатывать определенные, соответствующие их гендеру презентации, которые выступают дальнейшим перформативным самоподкреплением предписания.

Исходя из этого существуют две предварительные возможности определить сексуацию. С одной стороны, сексуация может выступать как иное имя для пола, при этом не приравниваясь к «гендеру». Здесь возникает искушение говорить о сексуации как об альтернативе — то есть о том понятии, которое должно заместить собой понятие гендера; и политически ее можно мыслить именно так. С другой стороны, сексуация не является замещением гендерного способа выносить суждение о поле, поскольку процедуры обзаведения сексуацией и гендером не пересекаются ни в одной точке. Сексуация — это вовсе не тавтология приобретенного пола и не какой-либо равнозначный способ его определения. Можно представить себе ситуацию, в которой из сексуации не вытекает никакого пола. При этом речь не идет о бесполости, а скорее об отсутствии необходимой связи между сексуированием и последующей фактической приверженностью полу. Несводимость к фактической половой данности, задаваемая сексуацией, не совпадает с несводимостью к ней гендера, который всегда, при любых своих вариативностях остается в рамках идентичности. Гендер сегодня — это высказывание формата «Я тот, кого называют» или же «Я называю себя».

Роль гендера, таким образом, состоит в том, чтобы политически замещать натурализованный пол, одновременно указывая на то, что биологическое определение пола, используемое консервативным политиком, педагогом или врачом, было ошибочным

и репрессивным. На доказательство этой репрессивности расходуется заметная часть усилий сторонников гендерного движения. Из-за этого гендерная теория, претендуя на научность, всегда имеет исход в виде соответствующей идеологии, оперирующей некоей доксой во имя этических и политических резонансов. Не имеет значения, действительно ли гендер является полностью «приобретенным» и «вмененным», в отличие от «врожденно-го» и «автономного», однако считать так будет уместно в свете влиятельности опасных реакционных воззрений, угрожающих процессам эмансипации. Здесь научность подхода должна быть спасена во имя прогрессивности, и наоборот.

Напротив, сексуация предполагает пол, но при этом не как естественную данность или, напротив, конечную/промежуточную социальную идентичность, удостоверяемую набором условий. В этом смысле общий как для традиционного, так и для гендерного взгляда изъян заключается в том, что независимо от того, рассматривается ли половое различие в свете «биологической необходимости» или же принуждения власти, любая из этих причин заведомо имеет пол в виду — как если бы последний был заложен в изначальный замысел творения и выступал вписанным в программу исходом.

Напротив, между предписанным полом (*какого угодно* происхождения) и сексуацией лежит структурный разрыв. Если разрыв этот систематически остается незамеченным, то происходит это по иным причинам, нежели в случае присвоения гендера. Гендер — как факт подчинения предписанию — может быть скрыт ввиду желательного для субъекта совпадения его идентификационного именованья с «фактическим» полом. Гендерная концепция требует, чтобы о субъекте судили по его гендеру *вместо* пола, даже если на деле они совпадают, тогда как сексуация отношений замещения не предполагает. Напротив, эта концепция описывает то, что обуславливает нахождение субъекта на территории пола другими средствами, не имеющими к полу прямого отношения. Гендер лишь частично гетерономен полу. Гетерономость сексуации иного порядка: она запускает процесс, результатом которого становится в том числе и приверженность полу, однако этим все не исчерпывается.

Таким образом, сексуация, не отсылая к «натуральности» или «естеству» пола, в то же время не является и «социальным конструктом», подобно гендеру. Происхождение этого конструкта никогда не выходит за пределы общественных или культурных данностей, нашедших свое выражение в предписании. Напротив, сексуация не является ни «социальным портретом» пола, ни

анатомически определенной судьбой. В то же время для каждого субъекта существует по крайней мере один способ сексуироваться, не опираясь при этом напрямую ни на физиологическую данность, ни на конфигурацию общих для его пола правил презентации. Для иллюстрации этого способа уместно вспомнить использованную Бадью следующую отсылку: «Возможно, поэтому философски приемлемо применить к полу способ, которым Жан Жене вопрошал о расах. Он спрашивал, что такое негр, уточняя: «И, во-первых, какого он цвета?» Тогда, если мы зададимся вопросом, что такое мужчина или что такое женщина, вполне философски благоразумно будет уточнить: «И, во-первых, какого он(а) пола?»» (Бадью 2011: 39).

Вопрос этот Бадью решает по-своему, исходя из платоновской возможности определить «пол» как выбор субъекта в пользу знания, основанного на определенной истине по отношению к всегда уже имевшему место ниспровержению Единого (так, «мужское» хранит верность заключенному в двоице любовной пары отрицанию единства, тогда как «женское» удерживает возможность объединяющей двоицы как условия любви). Но вопрос этот также может быть задан на языке более непосредственно обязанных Лакану следствий, вытекающих из логики сексуации. Данные следствия не были в полной мере задействованы самим Лаканом — и в этом упреки, адресуемые лакановскому анализу представительницами женских движений (Irigaray 1985; Grosz 1990), отнюдь не лишены смысла. Лакановская теория действительно совершает выбор в пользу того несимволизируемого «еще», которое в качестве избытка делает женщину *еще* более «женственной» и «загадочной». В то же время усиливается противоположный акцент на движущей нехватке, которая по умолчанию присуща «мужскому», даже если это «мужское» реализуется биологической женщиной (см.: Žižek 1995).

Сегодня нынешние представители ортодоксального лаканианства отстаивают свое право на клинику полового различия, равно как и право избегать упреков в клиническом «шовинизме». Однако лакановский ход позволяет взять иное направление, возможности для которого открылись в нем еще до того, как гендерная теория сделала свои первые шаги.

Вместо того единообразного, что предполагается за всеми субъектами определенного биологического пола, но также и вместо различных способов, которыми отдельный субъект отправляет присущую ему гендерную идентичность, сексуация представляет собой процедуру, в рамках которой пол является промежуточным итогом следования за обстоятельствами, в ко-

торых он выступает не биологической судьбой или предметом выбора, а следствием другой, питаемой субъектом приверженности. Речь идет о единственном способе снять вопрос о том, что гендерная теория называет «привязанностью к предписанию власти». То, что разворачивает сексуированного субъекта в направлении пола, представляет собой следование не нормативному предписанию, а сексуирующей мысли, не состоящей с означаемым пола ни в какой связи.

Переобретение пола или выбор идентичности: В. Вулф против квир-теории

Образцом следования сексуирующей мысли являются тексты Вирджинии Вулф. Наиболее удачной иллюстрацией в этом плане выступает произведение «Три Гинеи» (*Three Guineas*). В отличие от прочих программных текстов Вулф, наподобие «Своей комнаты», этот эпистолярный роман не допускает упрощенного прочтения в духе жалобы на предзаданное неравноправное общественное положение полов. Подобная жалоба имеет все социологические и исторические основания, однако не позволяет рассмотреть то, каким образом основанная на сексуации приверженность полу шаг за шагом осуществляется самой Вулф.

Текст «Трех гиней», как известно, начинается с вопроса, который Вулф получает от некоего влиятельного господина, утрудившего себя обращением к ней в эпистолярной форме и пожелавшего узнать, как по мнению Вулф женщины могли бы поспособствовать в деле предотвращения войны (Woolf 1938). Современный феминизм нечасто апеллирует к «Трем гинейам», по всей видимости усматривая в этом произведении избыточную услужливость в отношении мужской персоны, с которой Вулф ведет не вполне уместные многословные переговоры, увещевая эту персону так, как если бы объявленная собеседником готовность услышать мнение женской стороны гарантировала бы, что из этого что-то существенное последует (см.: Braidotti 1987: 233–241).¹ До какой бы степени опора на эти гарантии не рассматривалась в современном и более радикальном феминизме как проявление политической недальновидности, в тексте Вулф существенно не это. Ее позиция связывает в особую мысль обстоятельства, которые призваны

¹ «Моя позиция говорящей как феминистки приучила меня в первую очередь обращаться к женщинам — моим привилегированным собеседницам, поэтому я могу рассматривать перспективу обращения к мужчинам-пфеминистам только с чувством благожелательной усталости» (Брайдотти 2006).

практикуемую ей сексуационную принадлежность объяснить.

Мысль, являющаяся основанием этой принадлежности, прежде всего обязана тупику, в который тогдашняя европейская дипломатия зашла в вопросе предотвращения надвигающейся новой мировой войны. Соображения Вулф на этот счет считаются программными с гендерной точки зрения, но при этом они скрывают за собой гораздо более существенный разрыв. Последний предстает в виде ложной тавтологии женского как гендерно-родового и ее собственной сексуации. Так, она отвечает от лица женщины, однако лицо это не имеет отношения к «женскому» как к «природной» данности, поскольку сексуация самой Вулф образуется на совершенно иных основаниях.

Разрыв этот систематически остается незамеченным, поскольку академическая манера прочтения «Трех гиней» зачастую превращается в практикум по социальной феминистской критике. Не ставится вопрос пола — в особенности женского, — поскольку предполагается, что все женщины заведомо находятся в подчиненном положении, требующем преодоления. Впечатление это отчасти поддерживается пассажами, в которых Вулф требует для женщин повсеместного доступа к образованию и публичности, а также преодоления менее очевидных средств лишения знания. Речь идет о сугубо мужских околотеллектуальных толках: практиках постоянного приватного обмена научными и политическими сплетнями, дающих ориентиры, которые невозможно нигде более почерпнуть.

При расхожем критическом прочтении ускользает то, что место, из которого Вулф высказывается, не является местом солидарности, в основе которой лежит принадлежность к означаемому женского пола. В подобных интерпретациях пол автора является всего лишь акцидентальным признаком. Напротив, то, что делает текст свидетельством предшествующей его возникновению сексуационной процедуры, находится за пределами любой идентификации. Эта процедура связана с отношением Вулф к стоящей перед статусными мужчинами дилемме, в обращении с которой они, ввиду изначального противоречия в своих допущениях, обнаруживают бессилие. Настаивая на необходимости предотвращения войны, они продолжают содействовать ее разжиганию, поскольку не могут отказаться от правил допуска полов к публичности, войну порождающих.

Указывая на это, Вулф совершает операцию, отделяющую ее как от биологического пола, так и от гендерной принадлежности. *«Я существо пола, отрицающего войну»*, — именно так могло бы звучать определение, на базе которого Вулф выстраивает свою

сексуацию. Тем самым Вулф не имела в виду, что она «женщина», в том понимании, в котором война непонятна и отвратительна ей, как и многим другим «рафинированным» представительницам ее гендера. Не утверждает она и того, что женский гендер, не сталкиваясь с адресованным мужчинам требованием демонстрации власти и могущества, боится ее саму от целого ряда опрометчивых глупостей, то и дело ими совершаемых.

Напротив, позиция Вулф укладывается в формулу, которая ни на уровне биологического пола, ни в области гендера обнаружена быть не может. Она целиком основывается на мысли о парадоксальных обстоятельствах расщепленного (мужского) субъекта, который пытается предотвратить военную катастрофу, одновременно ее же приближая. В этом отношении мысль Вулф, вопреки тому, как ее обычно воспринимают, не является «антивоенной». Отрицает войну вовсе не гражданский субъект в ее лице, а исключительно сформированное ей сексуационное образование. Мысль, на основе которой это образование стало возможным, — это мысль о бессилии мужчин, вытекающем из неразрешимой для них дилеммы в вопросе предотвращения войны.

Восприятие мужского бессилия как обращенного к ней требования позволяет Вулф отыскать позицию, из которой выбор особым образом сформулированной сексуации действительно оборачивается для нее приверженностью своему «фактическому полу». Это происходит через обращение с объектом влечения в лице вполне конкретного мужчины — того самого, к которому она в тексте «Трех гиней» обращается, вокруг чьего вопроса свой текст выстраивает, и которого, по всей видимости, в реальности не существует.¹ Это не означает, что речь идет о личном фантазме самой Вулф, хотя использование этого выдуманного мужского объекта несомненно приносит ей удовлетворение, о котором можно судить по замечаниям о его пожилом возрасте и высоком положении, — удовлетворение прослеживается в сочетании нападков и страстного интереса к этой фигуре. В то же время фантазматическое происхождение мужского собеседника ставит

¹ На это указывают как некоторые нарративные особенности изложения, так и признания самой Вулф, сделанные ей в «Дневниках» на более ранней стадии формирования замысла «Трех гиней»: «У меня была мысль <...> как сделать мою военную книгу — прикинуться, будто это все статьи, которые редакторы просили меня написать в последние несколько лет — обо всякой всячине — должны ли женщины курить; короткие юбки; война и так далее. Это даст мне право отклоняться от темы; и еще поставит в положение человека, которого просят. Оправдание метода; а тем временем продолжать. Можно написать предисловие, объяснить, задать верный тон. Думаю, так правильно» (Вулф 2009: 295).

перед его бытием тот самый определенный артикль, на наличии которого настаивает Лакан применительно к «мужчине» в родовом смысле. Именно это позволяет Вулф связать конкретный несуществующий, но ценный для нее мужской объект с ситуацией, в которую вероятный «мужчина» (любого гендера) — как виновник надвигающейся катастрофы и одновременно ее жертва — оказывается поставлен.

В лице этого выдуманного собеседника «мужчины» умоляют Вулф о содействии, и, таким образом, ее вклад состоит не в абстрактной защите «женских прав» и борьбе с военным и общественным насилием, а во внимании к наблюдаемой ей в стане мужчин-политиков тревоге. Локализация этой тревоги удерживает вместе те обстоятельства, из которых складывается сексуационная позиция самой Вулф.

Ответ на вопрос Жене–Бадью «*и какого же пола этот (эта) мужчина (женщина)?*» лежит, таким образом, в области сопряжения требования и мысли. Мысль посвящена неразрешимости ситуации, порождающей требование. В случае Вулф это мысль о том запутанном положении, в которое «мужчины» ставят себя и созданный ими общественный порядок, при этом продолжая внутри сложившегося затруднения взывать к содействию в разрешении вопроса. Именно здесь для Вулф открывается источник наслаждения, который через образованную благодаря этой мысли сексуацию вторичным образом определяет приверженность собственному «фактическому» полу. Пол этот практически беспрепятственно находит себе место в той части лакановских размышлений, где «женщина» в том числе — это та (тот), кто наслаждается «мужчиной», демонстрирующим ограниченность и невежество в вопросах, ставящих его в определенные отношения с ужасной и неминуемой смертью, грозящей ему в результате предпринимаемых им самонадеянных шагов.

Именно совершаемая в тексте «Трех гиней» сексуационная процедура, запущенная благодаря мысли о войне, обеспечила произведению Вулф успех. От этого успеха также выиграли и представительницы ее «фактического» пола, пусть этот выигрыш и обладал всеми чертами косвенности, представляя собой то, что Лакан однажды, говоря о вопросе психоаналитического лечения, называл «дополнительным бонусом».¹

Из гетерономности между сексуацией и определяющей ее

¹ «Я вспоминаю, какое негодование со стороны собратьев, умеющих при случае, чтобы кому-то было спокойнее, скрыться под личиной наигранной благожелательности, вызвал я однажды, сказав, что исцеление является в анализе побочным эффектом» (Лакан 2010: 72).

мыслью проистекает еще одно следствие: пол как сексуированное репрезентирует нечто проблематическое за пределами самого вопроса пола. В противоположность этому гендер, даже выступая источником связанных с ним перипетий, не делает факт обладания им *всеобще проблематичным*. Какие бы усилия гендерный и квир-активизм ни прилагал к тому, чтобы выступить в действительно-всеобщей форме, обуславливающей рост сопротивления, то проблематичное, что вместе с гендером привносится, остается на территории самого субъекта и его личных отношений с предписанием. Другими словами, между обстоятельствами гендера и той сценой, где происходит непрерывное оспаривание власти, нет прямой и непосредственной связи, на допущении которой (квир)гендерные интеллектуалы и активисты выстраивают сегодня фигуры сопротивления.

Гендерная теория говорит о том, что происхождение гендера из эффектов власти по умолчанию предполагает за ним политическое измерение. На деле, иллюзия возникающей здесь синхронии при переводе процедуры гендерного образования в диахронический режим обнаруживает последовательность актов, каждый из которых остается достоянием отдельных процедур, ничем успеху предыдущих не обязанным. Гендеру, ставшему результатом опережающей интерпелляции по признаку пола и позволившему субъекту в итоге занять позицию идентичности, надлежит заново политизироваться, чтобы вернуть власти ее же собственное насилие. Однако этого никогда не происходит, поскольку для самого субъекта гендер не связан ни с какими иными последствиями власти, кроме тех, что имели место в его собственном случае. Сам по себе гендер не побуждает производить в отношении этих последствий никакой другой мысли.

Это заключение может поставить под удар закрепившуюся сегодня связь между уроном, понесенным субъектом вследствие воздействия власти, и следующей за этим ответной политизации, имеющей более широкие последствия, нежели любая индивидуальная компенсация. Если на основе этой связи и возможна какая-либо мысль, то работа этой мысли оказывается равнозначной работе памяти, понятой как место хранения следов нанесенного ущерба. Память эта может быть сколь угодно обширной и захватывать собой множество субъектов, однако все это не приводит к ее трансформации в другую мысль, с данными памяти не связанную. Нынешняя теоретическая стагнация гендерных исследований, воплощенная в повторяющемся дидактическом объяснении своих основных резонансов, является одним из след-

ствий слияния мысли и памяти на уровне функционирования самой теории.

Вопреки этому, производные власти — ее жертва или же отброс — вовсе не являются политизированными по умолчанию. Это обстоятельство способно подорвать надежду, будто сам факт существования «гендерного беспокойства» (равно как и любого урона или травмы) автоматически производит угрозу для власти. В активистской среде до сих пор вопрос ставится так, как если бы благодаря вниманию к обстоятельствам, в которые помещает субъекта гендерная принадлежность, можно осуществить подрывное вмешательство, особым образом эту принадлежность практикуя или же предпринимая в ней перемену, расширяющую или переопределяющую ее свойства.

Свежей иллюстрацией подобного подхода является доклад, легший в основу книги «Я монстр, что говорит с вами», опубликованной квир-интеллектуалом Полем Пресьядо.

Я транстело, небинарное тело, за которым ни медицина, ни право, ни психиатрия, ни психоанализ не признают права говорить с экспертным знанием о своем собственном положении, как не признают и способности производить дискурс... Я здесь, чтобы обратиться к вам (Пресьядо 2021: 21).

Из этого положения Пресьядо делает вывод:

Совершать гендерный переход — значит устанавливать перекрестную коммуникацию с гормоном, который... делает возможным пробуждение иной генеалогии. Это пробуждение — революция. Это молекулярное восстание. Посвяительство на власть гетеропатриархального Я, идентичности и имени. Это процесс деколонизации тела (Там же).

Сравнение обращений Вулф и Пресьядо, одно из которых принадлежит эпохе, где вопрос пола еще не требовал специальных терминов, а другое — периоду господства канона гендерных исследований, показывает, какой путь был пройден в этом вопросе. Несмотря на все преимущества, привнесенные разработками гендерной теории, которыми пользуется более позднее обращение, его дидактика показывает, что гендер сегодня воспринимается как пустая отливочная форма власти, выступая по отношению к исходящим от нее *prescriptions* как их тупиковая репрезентация.

Именно по этой причине следствием попыток подрыва гендерной нормы становится акт *coming out*, свидетельства-вовне.

Этот акт объявляет о несогласии субъекта со знаками подчинения предписанию на уровне половой принадлежности или же ориентации как выбора любовного объекта. Прямота *coming out* обязана своим происхождением не столько бескомпромиссности высказывания, порывающего с нормативностью, сколько изолированности посылки, на основе которой этот разрыв производится. Изолированным здесь является не только субъект как носитель связанного с гендером затруднения, но и возникшее в результате теоретического генезиса гендерного подхода определение пола. Это определение предстает ничем иным как отбросом предшествующей новоевропейской мысли, посвященной полу, последним звеном в цепи производимой этим понятием работы.

Высказывание Пресьядо вполне недвусмысленно указывает на границу, дальше которой некуда отступить, поскольку предъявление червоточины в процедуре наделения гендером оказывается здесь окончательным аргументом. Тем не менее к самому понятию гендера у Пресьядо нет претензий: чем более безвыходную участь в применении к субъекту он описывает, тем оправданнее оказывается его теоретическое применение.

Отсюда парадоксальным образом происходит повсеместно наблюдаемый в заданной гендером области новый волюнтаризм переозначивания. Это напоминает описанную Марксом ситуацию «двойной коррекции», характерную для младогегельянцев. Она заключается в том, что мыслитель сперва осознает себя носителем системы предписаний общественного порядка, чтобы затем объявить этот порядок «безумным», опровергнув его и разработав на его основе свой собственный. При этом из прежнего социального строя произвольным образом заимствуются элементы наряду с отрицанием самого акта заимствования.¹

¹Принято считать, что претензия Маркса в отношении младогегельянцев (например, Макса Штирнера) состояла том, что их убежденность в возможности «переделать правила» под собственные индивидуальные потребности, минуя необходимость перемен более высокого исторического и социального порядка, совершенно ничем не оправдана. В то же время оригинальность марксистской критики состояла скорее в указании на произошедшее угасание «работы понятия». Так, Штирнер использует понятия «человека», «семьи», «морали», якобы преодолев их содержание. Однако на деле он увязает в утверждении их непригодности. Единственная ошибка находится здесь на стороне самого «философа», который абсолютизирует досаждающее ему понятие и вырывает его из реальной общественной истории, где оно продолжает существовать и где его судьба все еще не определена. Ср.: «Следует уже здесь сказать, что различные «превращения» штирнеровских людей и их мира заключаются лишь в превращении всей мировой истории в плоть гегелевской философии... всякий, кто понимает историю в гегелевском духе, должен под конец прийти, как к результату всей

Само выступление Пресьядо риторически выразительно, но при этом удивительно вторично с теоретической точки зрения, поскольку в деталях повторяет широко распространенную с начала нулевых годов риторику квир-постколониализма. Все это указывает на появление первых признаков застоя гендерного подхода и происходящей в нем утраты теоретической мощности. В то же время этот застой является лишь отсроченным по времени следствием самого устройства гендерной концепции, которая исключает возможность иного происхождения «приверженности полу», нежели «страстное подчинение» гендерной норме.

Концепция гендера в ее нынешнем облике по сути является теорией бытия отбросом, к которому сводится носитель гендера по отношению к власти. Однако она также представляет собой отброс самой работы теории пола, ее аварийное завершение. Помимо предписания, формирующего гендер, а также следующего со стороны субъекта опровержения, сам гендер ничего более не репрезентирует. Истины, которые обыкновенно связывают с натурализованным полом, — несмотря на эссенциализм этого понятия, всегда бывшие многообразными (каждый пол указывал на множество истин), — заменены сегодня гендером как единственной истиной происходящего с полом. Понятие гендера раскрывает как поврежденность субъекта на основе приписанной ему идентификации, так и его новое могущество в этом вопросе, позволяющее требовать опровержения предписания:

Мне приписали женский гендер при рождении, в католическом городе тогда еще франкистской Испании. Жребий был брошен. Девочкам не разрешалось делать большую часть того, что делали мальчики. От меня ожидали, что я буду выполнять репродуктивный гендерный и сексуальный труд — эффективно и молча. Я должен был стать милой гетеросексуальной партнершей, хорошей женой и матерью, скромной женщиной... Я был в ловушке... Я хотел просто выхода — неважно какого. Чтобы сдвинуться с мертвой точки, ускользнуть от пародии полового различия... Так я начал принимать тестостерон — в кругу друзей, которые тоже искали выход. Так «женская доля», как вы ее называете, в мгновение ока покинула меня, вылетела из меня вверх тормашками, и я оказался так далеко, как никогда не мог

предшествовавшей истории, к царству духов, которое в спекулятивной философии находит свое завершение и упорядочение» (Маркс, Энгельс 1988: 147). Схожим образом Пресьядо отбрасывает понятие «пола» как уже «преодоленное», при этом продолжая по отношению к нему негативное самоопределение и одновременно отказывая ему в дальнейшей историзации.

и вообразить. Повторю: я искал выход... Так я постепенно вышел из рамок полового различия (Пресьядо 2021: 8,10).

В случае Пресьядо десятки описанных им в ходе этого выступления обстоятельств отбрасываются и лишаются своего значения, поскольку их заслоняет одна-единственная линия, связанная с определением *собственного* гендера и *своей* идентичности, выступающей в качестве дела всей жизни и главного предмета теоретических поисков. Напротив, невзирая на размышление о судьбах существ того или иного биологического пола, позиция Вулф, в отличие от позиции Пресьядо, к половому вопросу — в том числе к вопросу пола «собственного» — в конечном счете не привязана. С одной стороны, в тексте «Гиней» еще могут быть обнаружены свежие по тем временам, однако сегодня уже ставшие тривиальными процедуры буквальной гендерной интерпретации («Войны, сотрясающие мир, равно как и предшествующие им общественные противоречия, которые политики создают столь же искусно, сколь бессильны в их разрешении, имеют «мужское» лицо и по этой причине выглядят и отправляются определенным образом, поддерживающим притязания этого лица на власть», — так могло бы гласить в сжатом виде одно из положений ее работы ¹). В то же время записанная в изложении основная процедура, посредством которой Вулф реализует пол, не имеет к подобному подходу никакого отношения.

Пол, обретенный через сексуирование, не является итогом предписывающих репрессивных воздействий. Сексуация — образование, обладающее чертами *ad hoc*. Это в некотором роде продуктивная случайность, как видно на примере Вулф. Практикуемая ей мысль (мысль о войне) обеспечивает для нее доступ к «переобретению» своей половой принадлежности. Операция, ставшая результатом требования, производящего мысль, ретроактивно наделяет саму Вулф «полом». Происходит это не через присвоение идентичности, а через сексуацию, которая позво-

¹ Некоторые комментаторы прочтывают «Три гиней» еще более тенденциозным образом, утверждая, что Вулф обвиняет гендерное неравенство не только в расколе и растерянности общества перед лицом надвигающейся мировой войны, но и непосредственно в возникновении фашизма: «В «Трех гинейх» фашизм рассматривается не как случайная и катастрофическая историческая aberrация, а как закономерное следствие патриархальной системы разделения полов» (Gättners 2001: 21). Подобный вывод не только спрямляет мысль, соединяющую изобретенный Вулф протест на основе сексуации с положением женщины, но и не позволяет определить особый статус ее текста в истории женской критики. Текст «Трех гиней» до сих пор лишен возможности быть рассмотренным вне постколониальной оптики.

ляет сохранить связь с теми обстоятельствами, которым мысль адресована, а также произвести на их основе вмешательство в положение дел на территории, охватываемой этой мыслью.

Именно это необходимо противопоставить традиции гендерных исследований, базирующихся на представлении о том, что в поведение субъекта закладываются различные практики, определяющие небιологическую часть пола. Эти практики, однако, не состоят ни в какой связи с теми обстоятельствами, при которых сексуация и переобретенный на ее основе пол могли бы производить изменения в изначальной сексуирующей ситуации. Так, следствия образованной Вулф сексуации оказываются порождающими для целого ряда дальнейших обстоятельств, косвенно, но в то же время разнообразно воздействующих как на публичное восприятие перспективы войны, так и на послевоенную участь обоих полов. Напротив, батлерианский гендерный бунт порождает лишь трансгендерных субъектов, повторяющих процедуру одного и того же стереотипного «перехода», зачастую выступающего вовсе не в виде так называемого *transition* (бесповоротного пересечения гендерной границы), а в виде *transposition*, то есть перемещения затруднения с идентичностью на другой уровень.

Если концепция трансгендерного «перехода» возникает в квир-теории, наследующей теории гендера, как результат попыток искоренить значимость полового различия, то процедуру сексуации, напротив, можно обозначить как «переход к полу», образование которого гетерогенно как по отношению к приписанной при рождении категории, так и к предпочитаемой самим субъектом идентичности. В отличие от гендера как «призвания пола», под видом которого навязывается нечто не просто внешнее, но и безысходно ложное, сексуация представляет собой результат призвания, не сводящегося к полу, но влекущего за собой его *переобретение* (*reacquisition*). Результатом этого обретения заново является формирование иной приверженности полу, отличной от той, которой снабжается субъект при рождении, в ходе первичного вхождения в символическое поле, и которая определяет судьбу инфантильной сексуальности, события какой и классический психоанализ, и гендерная теория распространяют на всю его последующую жизнь.

Следует добавить, что, возводя переобретение пола к мысли, которая ему гетерономна, можно распрощаться с еще одним аргументом в пользу традиционной концепции пола — этот аргумент основывается на философской теории любви. Для философии, в том числе и сегодня, любовь остается тем, что «подстраховы-

вает» пол, обеспечивая его необходимость. Можно сказать, что, следуя подобной линии рассуждений, сам Бадью в полной мере остается «философом» — при том, что философскую позицию в статье «Что такое любовь?» он с готовностью проблематизирует. В сексуационной теории Бадью «выбор пола» все еще, как и столетиями ранее, обуславливается любовной ситуацией (Бадью 2011: 39). С философской точки зрения, именно благодаря любви положение субъекта избегает нейтральности, на которую в противном случае оно будто бы обречено. В общем смысле позиция Бадью следующая: «Нет (никакого) пола без любви и связанной с ней процедуры».

Мысль эта соответствует фрейд-лакановской линии, к которой обращается Бадью, лишь в той мере, в какой Фрейд противопоставляет психоанализ представлениям своей эпохи, согласно которым, напротив, «нет любви без (изначально определенного) пола»¹. В то же время из теории сексуации следует, что не существует пола, в том числе способного к влечению, без процедуры, поначалу уводящей от полового вопроса и лишь впоследствии позволяющей установить, какого рода половая позиция — не равнозначная ни описанной в гендерных исследованиях властной «привязанности», ни натурализующему «естественному предназначению» — является ее исходом.

Тот факт, что половая принадлежность может быть подкреплена мыслью, посредством которой субъект определяет себя сексуационно, вероятно, объясняет сохраняющуюся устойчивость института полового определения в культуре. Ригоризм этого института может — и, вероятно, должен — быть смягчен посредством гендерной критики и квир-активистских движений, однако, по всей видимости, это смягчение будет иметь успех только там, где половое различие уже видится изолированным и не связанным с сексуационным подкреплением. Только в этом случае оно может выглядеть чистой воды произволом и морально устаревшим следствием нормативного подавления.

¹ Некоторые комментаторы прочтывают «Три гинеи» еще более тенденциозным образом, утверждая, что Вулф обвиняет гендерное неравенство не только в расколе и растерянности общества перед лицом надвигающейся мировой войны, но и непосредственно в возникновении фашизма: «В «Трех гинеях» фашизм рассматривается не как случайная и катастрофическая историческая aberrация, а как закономерное следствие патриархальной системы разделения полов» (Gättners 2001: 21). Подобный вывод не только спрямляет мысль, соединяющую изобретенный Вулф протест на основе сексуации с положением женщины, но и не позволяет определить особый статус ее текста в истории женской критики. Текст «Трех гинеи» до сих пор лишен возможности быть рассмотренным вне постколониальной оптики.

В то же время существование сексуизирующей мысли, которой субъект может быть привержен, и следствием которой выступает заново подкрепляемый выбор и вторичная ратификация пола, не позволит презентациям последнего исчезнуть из символической области. В этом отношении следует рассчитывать не на упразднение назначающей силы гендера — задача, решения которой сегодня продолжает добиваться наследующая Батлер либеральная квир-программа, — а на расширение полномочий сексуации вместе с ее дальнейшим обособлением от эпистемологии традиционного полового различия. Речь идет о задаче, в отношении которой наследующий Лакану психоанализ не проявляет в настоящий момент должного энтузиазма, продолжая — и это то, в чем с Пресьядо можно согласиться, — полагаться на способность полового различия, однажды прошедшего через первичную инфантильную специализацию, безраздельно определять положение говорящих существ, не принимая во внимание дальнейшие судьбы их сексуации.

Библиография

- Бадью, Ален (2011). «Что такое любовь?». *Новое литературное обозрение*, № 112: 39–54.
- Батлер, Джудит (2003). *Психика власти*. М.: Алетейя.
- Брайдотти, Роза (2006). «Зависть, или «С твоими мозгами и моей красотой...»». *Гендерные исследования*, № 14: 157–167.
- Вульф, Вирджиния (2009). *Дневник писательницы*. М.: Центр книги Рудомино.
- Ипполит, Жан (2009). «Устный комментарий к статье Фрейда «Verneinung»». В кн.: Лакан, Жак, Работы Фрейда по технике психоанализа. Семинары: Книга I (1953/1954). М.: Гнозис; Логос.
- Крафт-Эбинг, Рихард (1996). *Половая психопатия*. М.: «Республика».
- Лакан, Жак (2002а). «Наука и истина». *Международный психоаналитический журнал*, № 1: 9–31.
- Лакан, Жак (2002б). *Образования бессознательного*. Семинары: Книга V (1957/1958). М.: Гнозис; Логос.
- Лакан, Жак (2008). *Изнанка психоанализа*. Семинары: Книга XVII (1969/1970). М.: Гнозис; Логос.
- Лакан, Жак (2010). *Тревога*. Семинары: Книга X (1962/1963). М.: Гнозис; Логос.
- Лакан, Жак (2016). *Еще*. Семинары: Книга XX (1972/1973). М.: Гнозис; Логос.
- Лапланш, Жан, Понталис, Жан-Бертран (1996). *Словарь по психоанализу*. М.: Высшая школа.
- Маркс, Карл, Энгельс, Фридрих (1988). *Немецкая идеология*. М.: Политиздат.
- Пресьядо, Поль (2021). *Я монстр, что говорит с вами. Отчет для академии психоанализа*. М.: No Kidding Press.
- Смулянский, Александр (2019). *Желание аналитика и метафора Отца: сексуация и ее преобразование в анализе*. М.: ВШЭ.
- Фрейд, Зигмунд (1994). «Некоторые замечания относительно понятия бессознательного в психоанализе». В кн.: *Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль*. Сост. В. Лейбин. М.: Республика.
- Фрейд, Зигмунд (1998). «Вытеснение». В кн.: Фрейд, Зигмунд, *Основные психологические теории в психоанализе*. СПб.: Алетейя.

- Bion, Wilfred (1962). «A theory of Thinking.» *The International Journal of Psycho-analysis* 443: 306–310.
- Braidotti, Rosi (1994). *Nomadic Subject*. New York: Columbia University Press.
- Butler, Judith (1993). *Bodies That Matter*. New York; London: Routledge.
- Butler, Judith, Laclau, Ernesto, Žižek Slavoj (2000). *Contingency, Hegemony, Universality: Contemporary Dialogues on the Left*. London: Verso.
- Gätgens, Marie-Luise (2001). «Three Guineas, Fascism, and the Construction of Gender.» In: *Virginia Woolf and fascism: Resisting the dictator seduction*, ed. M. Pawlowsky, 21–38. London: Palgrave Macmillan.
- Gallop, Jane (1985). *Reading Lacan*. Ithaca; London: Cornell University Press.
- Grosz, Elizabeth (1990). *Jacques Lacan: A Feminist Introduction*. New York; London: Routledge.
- Hekman, Susan (1990). *Gender and Knowledge: Elements of Postmodern Feminism*. Cambridge: Polity Press.
- Irigaray, Luce (1985). *This Sex Which Is Not One*. Ithaca: Cornell University Press.
- Jeffreys, Sheila (2014). *Gender Hurts: A Feminist Analysis of the Politics of Transgenderism*. New York; London: Routledge.
- Kristeva, Julia (1982). *Power of Horror. An Essays On Abjection*. New York: Columbia University Press.
- Kuhar, Roman, Painik, Moira (2020). «Populist Mobilizations in Re-Traditionalized Society: Anti-Gender Campaigning in Slovenia December 2020.» In: *Right-Wing Populism and Gender*, eds. G. Dietze, J. Roth, 167–184. New York: Columbia University Press.
- Veissière, Samuel (2018). «Why Is Transgender Identity on the Rise Among Teens?» *Psychology Today*. <https://www.psychologytoday.com/us/blog/culture-mind-and-brain/201811/why-is-transgender-identity-the-rise-among-teens>.
- Woolf, Virginia (2006). *Three Guineas*. New York; Boston: Mariner Books.
- Zizek, Slavoj (2005). «Woman is One of the Names-of-the-Father, or How Not to Misread Lacan's Formulas of Sexuation.» *Lacan.com*. <https://www.lacan.com/zizekwoman.htm>.

Alexander Smulyansky

*Lacanian psychoanalyst, leader of “Lacan-likbez” seminar;
St Petersburg, Bolshoy prospekt P. S., 18A, Russia;
E-mail: smulansky@gmail.com*

Reacquiring Sex: From Gender Studies to Theories of Sexuation

Abstract:

The impact of gender studies as well as the prevalence of activist movements it inspires conceals evidence of a theoretical crisis brewing in the gender approach. Its signs should not be sought in the arguments attacking gender theory from conservative positions, but rather in the internal logic of the concept of gender's development. Academic gender studies has grown from the soil cultivated by French structuralism and pays homage to the latter, as embodied in Judith Butler's form of problematizing the source of power in the symbolic emergence of the sexed subject. The discipline's main subject of research is subsequently the subject's general vulnerability against the prospect of universal normalization that neutralizes the particular consequences of his or her sex acquisition.

The author suggests that criticism of the gender approach should not involve a return to the modern European conservative concept of the “natural purpose” of sexes but should question the very hypothesis that presumes that the non-biological component of sex can be fully exhausted by the procedure of gender organization. To challenge this hypothesis, this article asks how we can justify the subject's adherence to sex, which is formed during the sexuation procedure described by structural psychoanalysis, which involves a choice outside of both biological and gender identity. Moreover, the article demonstrates why such a choice may be fraught with greater changes for society than the procedure of choosing “gender identity” that is becoming increasingly stereotyped and institutionalized today.

Keywords:

Psychoanalysis, sexuation, Alain Badiou,
gender studies

References

- Badiou, Alain (1996). "What is Love?" *Umbr(a)* 1: 37–53.
- Bion, Wilfred (1962). *A Theory of Thinking* // *The International Journal of Psycho-analysis* 443: 306–10.
- Braidotti, Rosi (1987). «Envy, or With My Brains and Your Looks.» In *Men in Feminism*, ed. Alice Jardine and Paul Smith, 233–241. London: Routledge.
- Braidotti, Rosi (1994). *Nomadic Subject*. New York: Columbia University Press.
- Butler, Judith (1990). *Gender Trouble. Feminism and Subversion of Identity*. London: Routledge.
- Butler, Judith (1993). *Bodies That Matter*. London: Routledge.
- Butler, Judith (1997). *The Psychic Life of Power*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Butler, Judith, Ernesto Laclau, and Slavoj Žižek (2000). *Contingency, Hegemony, Universality: Contemporary Dialogues on the Left*. London: Verso.
- Freud, Sigmund (1915). «Repression.» In *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, XIV*, 146–158. London: Hogarth Press and the Institute of Psychoanalysis.
- Gätgens, Marie-Luise (2001). «Three Guineas, Fascism, and the Construction of Gender In Virginia Woolf and Fascism.» In *Resisting the Dictator Seduction*, ed. Merry M. Pawlowsky, 21–38. London: Palgrave MacMillan.
- Gallop, Jane (1985). *Reading Lacan*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Grosz, Elizabeth (1990). *Jacques Lacan: A Feminist Introduction*. London: Routledge.
- Hekman, Susan J. (1990). *Gender and Knowledge: Elements of Postmodern Feminism*. Cambridge, MA: Polity Press.
- Hippolyte, Jean. (1975). «A Spoken Commentary on Freud's Verneinung by Jean Hypolyte.» In *The Seminar of Jacques Lacan, Book I: Freud's Papers on Technique, 1953–1954*, 289–299. New York: W. W. Norton & Co.
- Jeffreys, Sheila (2014). *Gender Hurts: A Feminist Analysis of the Politics of Transgenderism*. London: Routledge.
- Irigaray, Luce (1985). *This Sex Which Is Not One*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Krafft-Ebing, Richard Von (2011). *Psychopathia Sexualis: The Classic Study of Deviant Sex*. New York: Arcade Publishing.
- Kristeva, Julia (1982). *Power of Horror. An Essay on Abjection*. New York: Columbia University Press.
- Kuhar, Roman, and Moina Painik (2020). «Populist Mobilizations in Re-Traditionalized Society: Anti-Gender Campaigning in Slovenia December 2020.» In *Right-Wing Populism and Gender*, ed. Gabrielle Dietze and Julia Roth, 167–84. New York: Columbia University Press.
- Lacan, Jacques (1998). *The Seminar, Book XX. Encore: On Feminine Sexuality, the Limits of Love and Knowledge*. New York: W. W. Norton & Co.
- Lacan, Jacques (2006). «Science and Truth.» In *Écrits*, 726–746. New York: W. W. Norton & Company.
- Lacan, Jacques (2007). *The Seminar, Book XVII. The Other Side of Psychoanalysis*. New York: W. W. Norton & Co.
- Lacan, Jacques (2014) *Anxiety. The Seminar of Jacques Lacan: Book X*. Cambridge, MA: Polity.
- Lacan, Jacques (2017). *Formations of the Unconscious: The Seminar of Jacques Lacan, Book V*. Cambridge, MA: Polity.

- Laplanche, Jean, and Jean-Bertrand Pontalis (1988). *The Language of Psychoanalysis*. London: Routledge.
- Marx, Karl, and Friedrich Engels (1976). *The German Ideology*. Moscow: Progress Publishers.
- Preciado, Paul (2020). *Je suis un monstre qui vous parle. Rapport pour une académie de psychanalystes*. Paris: Grasset.
- Smulyansky, Alexander (2019). *Zhelaniye analitika i metafora Ottsa: seksuatsiya i yeyo preobrazovaniye v analize* [The analyst's desire and the metaphor of the Father: Sexuation and its transformation in analysis]. Moscow: HSE.
- Veissière, Samuel Paul (2018). «Why Is Transgender Identity on the Rise Among Teens?» *Psychology Today*. <https://www.psychologytoday.com/us/blog/culture-mind-and-brain/201811/why-is-transgender-identity-the-rise-among-teens>
- Woolf, Virginia (2003). *A Writer's Diary*. Boston: Mariner Books.
- Woolf, Virginia (2006). *Three Guineas*. Boston: Mariner Books.
- Žižek, Slavoj (2005) «Woman is One of the Names-of-the-Father, or How Not to Misread Lacan's Formulas of Sexuation.» *Lacanian Ink* 10 <https://www.lacan.com/zizekwoman.htm>.

